

Евгений Лукин

Когда отступают ангелы

«Автор»

Лукин Е. Ю.

Когда отступают ангелы / Е. Ю. Лукин — «Автор»,

Странный новичок в бригаде обыкновенного земного парня Миньки Бударина оказывается ни много, ни мало, как преследуемым по законам его неведомой планеты не то человеком, не то ангелом. Он нуждается в помощи, поэтому контакт землян, а вернее, землянина Миньки, с инопланетянами оказывается весьма странным...

© Лукин Е. Ю.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Любовь Лукина, Евгений Лукин

Когда отступают ангелы

[= Разные среди разных]

Глава 1

Все, что требовалось от новичка, – это слегка подтолкнуть уголок. Стальная плита сама развернулась бы на роликах и пришла под нож необрезанной кромкой. Вместо этого он что было силы уперся в плиту ключом и погнал ее с перепугу куда-то в сторону Астрахани.

На глазах у остолбеневшей бригады металл доехал до последнего ряда роликов, накрепился и тяжело ухнул на бетонный пол. Наше счастье, что перед курилкой тогда никого не было.

Первым делом мы с Валеркой кинулись к новичку. Оно и понятно: Валерка – бригадир, я – первый резчик.

– Цел?

Новичок был цел, только очень бледен. Он с ужасом смотрел под ноги, на лежащую в проходе плиту, и губы его дрожали.

А потому мы слышали хохот. Случая не было, чтобы какое-нибудь происшествие в цехе обошлось без подкранового Аркашки.

– Люська! – в восторге вопил подкрановый. – Ехай сюда! Гля, что эти чудики учудили! Гля, куда они лист сбросили!

Приехал мостовой кран, из кабины, как кукушка, высунулась горбоносая Люська и тоже залилась смехом.

Илья Жихарев по прозвищу Сталевар неторопливо повернулся к Аркашке и что-то ему, видно, сказал, потому что хохотать тот сразу прекратил. Сам виноват. Разве можно смеяться над Сталеваром! Сталевар словом рельсы гнет.

С помощью Люськиного крана мы вернули металл на ролики и тут только обратили внимание, что новичок все еще стоит и трясется.

Сунули мы ему в руки чайник и послали от греха подальше за газировкой.

– Минька, – обреченно сказал Валера, глядя ему вслед. – А ведь он нас с тобой посадит. Он или искалечит кого-нибудь, или сам искалечится.

– С высшим образованием, наверно... – сочувственно пробасил Вася-штангист. – Недоделанный какой-то... Диплом, небось, под яблоней прикопал, а сам – сюда, деньгу зашибать...

– Брось! – сказал Валера. – Высшее образование! Какое, к бесу, высшее? Двух слов связать не может...

Впятером мы добились по-быстрому последние листы пакета и, отсавив металл, в самом дурном настроении присели на скамью в курилке.

– Опять забыл! – встрепенулся Сталевар. – Как его зовут?

– Да Гриша его зовут, Гриша!..

– Гриша... – Сталевар покивал. – Григорий, значит... Так, может, нам Григория на шестой пресс перебросить, а? У них вроде тоже человека нет...

– Не возьмут, – вконец расстроившись, сказал бригадир. – Аркашка уже всему цеху развонил. И Люська видела...

Старый Петр сидел прямой, как гвоздь, и недовольно жевал губами. Сейчас что-нибудь мудрое скажет...

– Вы это не то... – строго сказал он. – Не так вы... Его учить надо. Все начинали. Ты, Валерка, при мне начинал, и ты, Минька, тоже...

В конце пролета показался Гриша с чайником. Ничего, красивый парень, видный. Лицо у Гриши открытое, смуглое, глаза темные, чуть раскосые, нос орлиный. Налитый всклень чайник несет бережно, с чувством высокой ответственности.

– А как его фамилия? – спросил я Валерку.

Тот вздохнул.

– Прахов... Гриша Прахов.

– Тю-тельки-матютельки! – сказал Сталевар. – А я думал, он нерусский...

Красивый Гриша Прахов остановился перед скамьей и, опасливо глядя на бригадира, отдал ему чайник.

– Ты, мил человек, – сухо проговорил Старый Петр, – физическим трудом-то хоть занимался когда?

Темные глаза испуганно метнулись вправо, влево, словно соображал Гриша, в какую сторону ему от нас бежать.

– Физическим?.. Не занимался...

– Я вот и смотрю... – проворчал Старый Петр и умолк до конца смены.

– Гриш, – дружелюбно прогудел Вася-штангист. – А ты какой институт кончал?

– Институт?.. Аттестат... Десять классов...

Сталевар уставил на него круглые желтые глаза и озадаченно поскреб за ухом.

– Учиться – не учился, работать – не работал... А что ж ты тогда делал?

И мне снова почудилось, что Гриша сейчас бросится от нас бежать – сломя голову, не разбирая дороги...

Но тут загудело, задрожало – и над нашей курилкой проехал мостовой кран.

– Эй! – пронзительно крикнула Люська и, свесившись из окна кабины, постучала себя ногтями по зубам.

Валерка встал.

– За нержавейкой поехала, – озабоченно сказал он. – Пошли, Григорий, металл привезем...

Он сделал два шага вслед за Люськиным краном, потом остановился и, опомнясь, посмотрел на Григория. Снизу вверх.

– Или нет, – поспешно добавил он. – Ты лучше здесь посиди отдохни... Вася, пойдем – поможем.

Ни на приказ бригадира, ни на отмену приказа Гриша Прахов внимания не обратил. Он глядел в конец пролета, куда уехала Люська. Потом повернулся к нам, и видно было, что крановщица наша чем-то его потрясла.

– Кто это? – отрывисто спросил он.

– Крановщица, – сказал я.

– А это?.. – Он постучал себя ногтями по ровным белым зубам.

– Нержавейка, – сказал я.

– А почему...

– А потому что из нее зубы делают.

– А-а... – с видимым облегчением сказал он и опять уставился в конец пролета, где прыгали по стенам и опорам красные блики с прокатного стана.

* * *

Отработали. Пошли мыться. Выйдя из душевой, в узком проходе между двумя рядами шкафчиков я снова увидел Гришу Прахова. Оказалось – соседи. Вот так – мой шкафчик, а так – его.

– Ну и как тебе, Гриша, у нас?

И знаете, что мне на это ответил Гриша Прахов? Он как-то странно посмотрел на меня и тихо проговорил:

– Какие вы все разные...

И больше я ему вопросов не задавал. Ну его к черту с такими ответами!..

Да и торопился я тогда – хотел еще забежать в универмаг к Ирине, договориться, что делаем вечером. Быстро одевшись, я закрыл шкафчик, но взглянул на Гришу Прахова – и остановился.

Гриша надевал просторную, застиранную почти до потери цвета... Нет, не рубаху. Я не знаю, как это называется. То, что он в конце концов надел, не имело воротника и завязывалось под горлом двумя тесемками. На самом видном месте, то есть на пузе, мрачно чернел прямоугольный штамп. Кажется, больничный.

Затем Гриша погрузился в штаны. Штаны эти, наверное, не одна канава жевала. Они были коротки и все норовили упасть, пока Гриша не перетянул их по талии веревочкой, сразу став неестественно широкобедрым.

Пиджак был тесен и стоился бы разве что для протирки деталей. Напялив его, Гриша выдохнул и с хрустом застегнул треснувшую пополам единственную пуговицу.

Снова полез в шкафчик и достал оттуда... Ну, скажем, обувь. Оба каблука были стоптаны, как срезаны, причем наискосок – от внутренней стороны стопы к внешней.

Надев эти отпки прямо на босу ногу, Гриша закрыл шкафчик и тут только заметил, что я на него смотрю.

– Так я пойду? – встревоженно спросил он.

Я кивнул.

Рискуя вывихнуть себе обе ступни, Гриша Прахов неловко развернулся в узком проходе и, нетвердо ступая, направился к выходу между двумя рядами шкафчиков.

Я застегнул куртку и вышел следом. Пересменка кончилась, в раздевалке уже никого не было. Только у входа в душевую стоял Сталевар с полотенцем через плечо. Вытаращив глаза и отвесив челюсть, он смотрел на дверь, за которой, надо полагать, только что скрылся Гриша Прахов.

Глава 2

Пройдя через стеклянный кубик проходной, я увидел Люську. Куртейка на ней – импортная, джинсы – в медных блямбах, на скулах – чахоточный румянец по последней моде. Не иначе жениха поджидает.

– Ты что же это передовиков обхохатываешь? – грозно сказал я. – Смотри! Еще раз услышу – премии лишу.

Люська запрокинула голову и рассмеялась.

– Ой! Передовики! Раз в жизни Сталевар на пьянке не поймался – так уж сразу и передовики!..

Выпрямить ей нос – цены бы девке не было. А если еще и норов укоротить...

– А что ж ты думала? – сурово спросил я. – Не пойман – значит передовик!.. С тебя еще за простой вычесть надо. Из-за кого мы сегодня лист в курилку сбросили? Не из-за тебя что ли?

– Эх ты! – поразились Люська. – Это как же?

– А так! Новичок как тебя увидел – у него тут же пробки и перегорели. И так вон ничего не соображает, а тут еще ты со своим шнобелем...

Вместо ответа Люська изумленно округлила глаза. Это мне очень напомнило недавний взгляд Сталевара, и я обернулся.

Вдоль бесконечно длинной Доски почета, рассеянно посматривая на портреты, ковылял на подворачивающихся каблуках Гриша Прахов. С ума сошел! Через первую проходную – в таком виде! Свободно ведь могли на выходе взять – и в ментовку...

– Ой!.. – потрясенно выдохнула Люська. – Что это на нем?

– Тихо ты! – цыкнул я. – Не мешай...

Гриша Прахов как раз проходил мимо моего портрета. Покосился равнодушно и не узнал. Да и не мудрено. Я сам себя на этой фотографии узнать не мог.

Дальше был портрет Люски. Гриша вздрогнул и медленно повернулся к стенду лицом.

– Все, – сказал я. – Готов. Завтра он точно кого-нибудь листом пришибет. По-моему, тебя, Люсенька, увольнять пора.

Люська заморгала и уже открыла рот, чтобы отбрить меня как следует, когда над ухом раздался знакомый ленивый голос:

– Это кто ж тут у меня девушку отбивает?

Сверкающая улыбка в тридцать два зуба, а над ней радужные фирменные очки в поллица. Валька Бехтерь с Нижнего поселка. Ну-ну... Люське, конечно, видней.

– Отчего же не отбить? – говорю. – День-то какой!

Улыбается Валька Бехтерь. Весело улыбается. Широко.

– Да, – говорит. – Ничего денек. Солнечный...

Что-то мне в его голосе не понравилось, и, зная про наши с Бехтером отношения, Люська быстренько подхватила его под руку.

– Ну ладно, Миньк! Привет!

– Привет-привет, – говорю. – До встречи, Люсенька.

Бехтерь при этих моих словах, естественно, дернулся, но она уже буксировала его в сторону троллейбусного кольца... Правильно он делает, что очки носит. А то разнорой получается: улыбка наглая, а глаза трусливые...

Тут я вспомнил про Гришу Прахова и обернулся. Перед Доской почета было пусто. Уковылял уже...

* * *

Весна, помню, стояла какая-то ненормально ранняя – середина апреля, а тепло, как в мае. До универмага я решил пройти пешком, через сквер. Почки на ветках полопались, ясно белеет сквозь зеленый пух кирпичная заводская стена... А сейчас из-за поворота покажется моя скамейка. Краски на ней – уже, наверное, слоев семь, а надпись все читается: «НАТАША». Сразу видно: от души человек резал, крупно и глубоко. Это я – когда в армию уходил. Целую ночь мы с Наташкой на этой скамейке просидели... Там еще дальше было «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ», но теперь уже все состругано. Это когда я из армии вернулся и узнал, что Наташка месяц назад замуж вышла...

Я миновал поворот и увидел, что на моей скамейке опустив голову сидит какая-то женщина, а рядом играет малыш в комбинезончике. Капюшон ее плаща был откинут. Светлые волосы, капризные детские губы...

На скамейке сидела Наташка.

Не дожидаясь, пока она повернет голову в мою сторону, я перескочил через черные нестриженные кусты и беглым шагом пересек газон у нее за спиной.

Я вот почему так подробно об этом рассказываю: не задай я тогда стрекача – и не было бы всей этой истории. Завтра утром Валерка сплавил бы Григория на шестой пресс, а послезавтра я бы о новичке и думать забыл.

...Очутившись в другой аллее, долго не мог отдышаться. От злости. Чтобы Минька Бударин от кого-то убегал и через кусты прыгал!.. Разве что от милиции – и то по молодости лет... Это от меня всю жизнь бегали... Нет, ну в самом деле! Кто кого бояться должен? Можно подумать, это не она замуж вышла, можно подумать, это я жену из армии привез!

Вот тут-то мне и попался под горячую руку Гриша Прахов. Задумчиво глядя себе под ноги, он брел по соседней дорожке.

– Гриша!

Он оглянулся с испуганно-вежливой улыбкой.

– А ну-ка иди сюда!

Он узнал меня и, просияв, шагнул навстречу. Остановился. Беспомощно озираясь, потоптался на краешке асфальта.

– Иди-иди, не провалишься, – зловеще подбодрил я его.

Между нами был газон. Голый газон, покрытый влажным черно-ржавым пластом прошлогодней листвы.

– Ну! – уже раздраженно сказал я.

Гриша повернулся и торопливо заковылял к выходу из сквера.

– Ты куда?

Гриша остановился и неуверенно махнул рукой.

– Ты что, ненормальный? Перейди по газону!

Перебежал. Но чего ему это стоило! На лбу – испарина, дыхание – как у щенка, глаза косят то вправо, то влево.

– Ты чего?

– Так ведь запрещено же, – преступным шепотом ответил мне Гриша Прахов.

Взял я его, родимого, за расколотую пуговицу, подтянул к себе и говорю:

– Ты что ж, сукин сын, бригаду позоришь! Денег нет прилично одеться? Это что на тебе за тряпье такое!..

И равномерно его при этом встряхиваю – для убедительности. На слове «тряпье» не рассчитал, встряхнул чуть сильнее, и половина пуговицы осталась у меня в пальцах. Теряя рав-

новесие, Гриша взмахнул руками, пиджак с треском распахнулся, и я снова увидел черный больничный штамп.

– Как из мусорки вылез! – прошипел я.

Трясущимися пальцами Гриша пытался застегнуть пиджак на оставшуюся половину пуговицы.

– Приезжий, что ли?

– Приезжий...

– У тебя здесь родственники?

– У меня нет родственников...

– Подкидыш, что ли?

Гриша посмотрел на меня с опаской.

– Пожалуй... – осторожно согласился он.

И пока я пытался сообразить, что это он мне сейчас такое ответил, Гриша Прахов отважился задать вопрос сам:

– Минька, а ты... Тебя ведь Минькой зовут, да?.. Ты не мог бы мне объяснить: если кого-нибудь второй раз заметят, что он ночует на вокзале, – что ему тогда будет?

– А кто ночует на вокзале?

Гриша замялся.

– Это неважно. Ну, скажем... я.

– А почему ты ночуешь на вокзале? Почему не в общежитии?

– Н-ну... Так вышло...

– Как вышло? – заорал я. – Что значит – вышло? Ты приезжий! Тебе положено общежитие! Положено, понимаешь?

– Я понимаю... Но мне сказали...

– Кто сказал? А ну пойдем, покажешь, кто там тебе что сказал!

Ухватил я его за рукав и поволок. Ох, думаю, и выпишу я сейчас чертей этим конторским! За все сразу!

– Тебя кто на работу принимал? Жирный такой, головенка маленькая – этот? Ну, я с ним потолкую! А, ч-черт!

Я резко остановился, Гришу занесло, и мне пришлось его поддержать.

– Куда ж мы с тобой идем! – рывкнул я на него. – Сегодня ж суббота!.. У, ш-шалопай! А ну давай точно: как вы там с ним говорили – с этим, из отдела кадров!..

– Он предупредил меня, что с общежитием трудно, – проговорил вконец запуганный Гриша. – И спросил, не могу ли я временно обойтись без общежития...

– Ну! А ты?

– Я сказал, что могу, – уныло признался Гриша Прахов.

Крысу ей, думаю, за пазуху, этой Наташке! Вылезла, дура, на прогулку! Ну вот что мне теперь делать с блаженненьким этим?..

– Ладно, – процедил я наконец. – Сегодня переночуешь у меня, а в понедельник будем кадровика за кадык брать...

По соседней аллее прошли толпой ребята со сталеплавильного. Поравнявшись с нами, засмеялись.

– Кого поймал, Минька?

– Минька, а повязка твоя где?

– Гуляйте-гуляйте, – сердито сказал я. – Погода хорошая...

Глава 3

На проспекте Metallургов нас чуть было не накрыл дождь, и нырнули мы с Гришей в кафе «Витязь».

Нормальная была забегаловка до Указа. А теперь перелицевали подвальчик – не узнать. С потолка на цепях свешиваются светильники какие-то средневековые из жести, а на торцовой стене богатырь на тонконогом, как журавль, коне рубится со Змеем Горынычем – аж розовое пламя из трех пастей в косы заплетается.

Зеленого змия, значит, кончает...

Посадил я Гришу в уголке спиной к помещению, чтобы не смущать народ тесемочным бантиком, а сам пошел к стойке.

– Миньк! – шепнула мне щекастая белокудрая Тамара. – Кого это ты привел?

– А это наш новый резчик, – небрежно сказал я. – Нравится?

– Ну и резчики у вас! – Тамара затрясла обесцвеченными кудрями. – Как бы он чего с собой не пронес... У нас, знаешь, как сейчас за это гоняют!..

Она соорудила два коктейля, и я вернулся к столику.

– Это... алкоголь? – встревожась, спросил Гриша.

– Ага, – сердито сказал я. – Алкоголь. Чистейшей воды, неразбавленный.

И протянул ему хрупкий высокий стакан, наполненный слоистой смесью. Гриша принял его с обреченным видом.

– Ого, да ты, я смотрю, тоже левша?

Гриша растерянно уставился на свою левую руку.

– Я нечаянно, – сообщил он и поспешно переложил стакан в правую.

Я удивился. А Гриша вынул из стакана соломинку, побледнел, старательно выдохнул и, зажмурясь, хватил коктейль залпом. Потом осторожно открыл глаза и с минуту сидел, прислушиваясь к ощущениям.

Все это мне очень не понравилось.

– А ну-ка, давай честно, Гриша, – сказал я. – Пьешь много?

– Спиртных напитков?

– Да, спиртных.

– Вот... в первый раз... – сказал он и зачем-то предъявил мне пустой стакан. – И на вокзале еще... Только я тогда отказался...

Я решил, что он так шутит. А Гриша тем временем порозовел, оттаял и принялся с интересом озиаться по сторонам: на людей, на Змея Горыныча, на цепные светильники эти...

– Правильно я сделал, что приехал сюда, – сообщил он вдруг...

По лицу его бродила смутная блаженная улыбка.

– И чего я боялся? – со смехом сказал он чуть погодя.

– Боялся? – не понял я. – Кого?

– Вас, – все с той же странной улыбкой ответил Гриша.

Заподозрив неладное, я быстро заглянул под стол. Бутылки под столом не было. Да и потом: какой же это надо быть сволочью, чтобы сидеть с кем-нибудь из своих и втихаря пить одному! Опять же – когда бы он успел-то? Пока я к стойке за коктейлем ходил?..

– Почему ты ведешь меня к себе? – вырвалось вдруг у него.

– А тебе что, на вокзале понравилось?

Гриша опечалился и повесил голову. Видно было, что к своим черным блестящим волосам он после душа не прикасался.

– Нет, – сказал он. – На вокзале мне не понравилось...

Он вдруг принялся мотать головой и мотал ею довольно долго. Потом поднял на меня глаза, и я оторопел. Гриша Прахов плакал.

– Минька!.. – сказал он. – Я особо опасный преступник...

Я чуть не пролил коктейль себе на брюки.

– Что?

– Особо опасный преступник... – повторил Гриша.

Я оглянулся. Нет, слава богу, никто вроде не услышал.

– Погоди-погоди... – У меня даже голос сел. – То есть как – особо опасный? Ты что же... сбежал откуда?

– Сбежал... – подтвердил Гриша, утираясь своим антисанитарным рукавом.

Я посмотрел на его пиджак, на тесемочный бантик под горлом и вдруг понял, что Гриша не притворяется.

– А паспорт? Как же тебя на работу приняли без паспорта? Или он у тебя... поддельный?

– Паспорт у меня настоящий, – с болью в голосе сказал Гриша. – Только он не мой. Я его украл.

Нервы мои не выдержали, и, выхватив из коктейля соломинку, я залпом осушил свой стакан.

– А ну вставай! – приказал я. – Вставай, пошли отсюда!

И, испепеляемые взглядом Тамары, мы покинули помещение. Завел я Гришу в какой-то двор, посадил на скамеечку.

– А теперь рассказывай, – говорю. – Все рассказывай. Что ты там натворил?

Плакать Гриша перестал, но, видно, истерика в «Витязе» отняла у него последние силы. Он сидел передо мной на скамеечке, опустив плечи, и горестно поклевывал своим орлиным носом.

– Закон нарушил... – вяло отозвался он.

– «Свистка не слушала, закон нарушила...» – процедил я. – Ну а какой именно закон?

– Закон? – бессмысленно повторил Гриша. – Закон...

– Да, закон!

– Это очень страшный закон... – сообщил Гриша.

– Как дам сейчас в торец! – еле сдерживаясь, пообещал я. – Мигом в себя придешь!

Гриша поднял на меня медленно проясняющиеся глаза. Голову он держал нетвердо.

– Закон о нераспространении личности... – торжественно, даже с какой-то идиотской гордостью проговорил Гриша Прахов и снова уронил голову на грудь.

Некоторое время я моргал. Закон – понимаю. О нераспространении – понимаю. Личности – тоже вполне понятно. А вот все вместе...

– Так ты что, в розыске, что ли?

Гриша вздрогнул и посмотрел на меня с ужасом.

– Н-не знаю... Наверное...

– И фотокарточки твои, наверно, в ментовке уже раздали?.. Ну, в милиции, в милиции!

Язык у Гриши заплетался, и следующую фразу он одолел лишь с третьего захода.

– При чем тут милиция? – спросил он.

– Ну если ты закон нарушил!

– Не нарушил я ваших законов! – в отчаянии сказал Гриша. – Свои – нарушал. Ваши – нет.

У меня чуть сердце не остановилось.

– Какие свои? Гриша!.. Да ты... откуда вообще?

– Из другого мира я, Минька, – признался наконец Гриша Прахов.

Я почувствовал, что ноги меня не держат, и присел рядом с ним на скамеечку. Вот только шпиона нам в бригаде и не хватало!.. Условник – есть, алкоголик – есть...

– Из-за рубежа? – как-то по-бабьи привизгнув, спросил я.

– Дальше...

Я потряс головой и все равно ничего не понял.

– Как дальше?

– Дальше, чем из-за рубежа... – еле ворочая языком, объяснил Гриша Прахов. – С другой планеты, понимаешь?..

* * *

В калитку я его внес на горбу, как мешок с картошкой.

Из-за сарайчика, грозно рывкнув, вылетел Мухтар. Узнал меня, псина, заюлил, хвостом забил. А потом вдруг попятился, вздыбил шерсть на загривке и завыл, да так, что у меня у самого волосы на затылке зашевелились.

Дернул я плечом – висит Гриша, признаков жизни не подает. Прислонил его к забору, давай трясти.

– Гриш, ты что, Гриш?..

Гриша слабо застонал и приоткрыл один глаз. Слава богу!..

– А ну пошел отсюда! – закричал я на Мухтара. – Иди в будку! Дурак лохматый!..

В будку Мухтар не пошел и с угрожающим ворчанием проводил нас до двери, заходя то справа, то слева и прилаживаясь цапнуть Гришу за скошенный каблук. У самого крыльца это ему почти удалось, но в последний момент Мухтар почему-то отпрыгнул и снова завыл.

Злой на себя и на Гришу, я втащил его в прихожую и закрыл дверь. В комнате осеклась швейная машинка.

– Минька, ты? – спросила мать. – А что это Мухтарка выл?

– Да кто ж его знает! – с досадой ответил я. – Тут, мать, видишь, какое дело... Не один я.

По дому словно сквозняк прошел: хлопнула дверца шифоньера, что-то зашуршало, портьеру размело в стороны, и мать при параде – то есть в наспех накинутой шали – возникла в прихожей. На лице – радушие, в глазах – любопытство. Думала, я Ирину привел – знакомиться.

– А-а... – приветливо завела она и замолчала.

Гриша сидел на табуретке, прислоненный к стеночке, и мученически улыбался, прикрыв глаза. И до того все это глупо вышло, что я не выдержал и засмеялся.

– Вот, мать, нового квартиранта тебе нашел...

– Ты кого в дом привел? – опомнясь, закричала она. – Ты с кем связался?

– Да погоди ты, мать, – заторопился я. – Понимаешь, дня на два, не больше... Ну, переночевать парню негде!

– Как негде? – Маленькая, кругленькая, она куталась в шаль, как от холода, сверкая глазами то на меня, то на Гришу. – Санитарный день, что ли, в вытрезвителе? Да что ж это за напасть такая! То кутенка подберет хромого, то алкаша!..

– Ну-ну, мать, – примирительно сказал я. – Мухтара-то за что? Сама ведь ему лапу лечила, а теперь смотри, какой красавец кобель вымахал...

Но на Мухтара разговор перевести не удалось.

– Живет впрохолость, приبلудных каких-то водит!.. А ну забирай своего дружка, и чтобы ноги его в доме не было!

– Да куда ж я его поведу на ночь глядя?

– А куда хочешь! Под каким забором нашел – под тем и положишь!

– Да с горя он, мать! – закричал я. – Ну, несчастье у человека, понимаешь? Жена из дому выгнала!

Что-то дрогнуло в лице матери.

– Прямо вот так и выгнала? – с подозрением спросила она.
– В чем был! – истово подтвердил я. – В чем квартиру ремонтировал – в том и выгнала!
– Так надо в суд подать, на раздел, – все еще недоверчиво сказала мать.
– И я ему то же самое говорю! А он, дурак, хочет, чтобы как мужчина – все ей оставить.
– Вот мерзавка! – негромко, но с чувством сказала мать, приглядываясь к Грише. Выражение лица ее постепенно менялось. – И что ж вам так с женами-то не везет, а?.. И парень, видать, неплохой...
– В нашей бригаде работает, – вставил я. – В понедельник мы с Валеркой Чернопятовым попробуем ему общежитие выбить...
– Ох, дети-дети, куда вас дети?.. – вздохнула она и пошла в комнату, снимая на ходу с плеч непригодившуюся парадную шаль. – Ладно, постелю ему...

* * *

Еще раз удивил меня Гриша Прахов. Под тряпьем у него оказалось чистое белье, вроде даже импортное. Лохмотья его я сразу решил выбросить и поэтому обыскал. В кармане брюк обнаружился временный пропуск на завод и двадцать три копейки, а за прорвавшейся подкладкой пиджака – в целлофановом пакете – военный билет, свидетельство о рождении, аттестат и паспорт.

Документы я, конечно, проверил. Все вроде на месте: серия, номер, фотография – Гришкина, не перепутаешь. И в военном билете – тоже, только Гриша там помоложе и пополнее. Вот ведь чудик, а?

На всякий случай я заглянул и в аттестат, посмотрел, на какой он планете ума набирался. «Полный курс Нижне-Добринской средней школы...» Далекая, видать, планета...

Я снова завернул документы в целлофан и, кинув пакет на стол, сгреб в охапку тряпье на выброс.

Вот не было у бабы хлопот...

Глава 4

Во всяком случае, церемониться я с ним не собирался.

Из глубокой предутренней синевы за окном только-только начали еще проступать черные ветки и зубчатый верх забора, а я уже вошел в малую комнату и включил свет.

– Подъем! – скомандовал я в полный голос, и Гриша сел на койке. Рывком.

Секунду он сидел напряженный, с широко открытыми невидящими глазами, словно ждал чего-то страшного. Не дождавшись, расслабился и с легким стоном взялся за голову.

– Трещит? – не без злорадства спросил я.

С огромным удивлением Гриша оглядел комнату: вязаный половичок возле кровати, настенный матерчатый коврик с избушкой и оленями, две гераньки в горшочках на узком подоконнике.

Потом он заметил лежащий на столе рядом со стопкой мелочи целлофановый пакет и беспокойно завертел головой.

– Нет твоего тряпья, – сказал я. – Выкинул я его, понял? Наденешь вот это.

И бросил ему на колени свой старый коричневый костюм. Ну как – старый? Новый еще костюм, хороший, просто не ношу я его.

Гриша отшатнулся и уставился на костюм, как на кобру.

* * *

Светало быстро, завтракали мы уже без электричества. Несмотря на мои понукания, Гриша ел, как цыпленок, стеснялся, молчал.

– Опытом бы поделился, что ли... – буркнул я наконец. – Куда ты ее потом дел?

– Кого? – испугался он.

– Я тебе сейчас дам «кого»! Бутылку вчера в «Витязь» пронес?

– Нет, – быстро сказал он.

– Как это нет? Ты же лыка вчера не вязал, Гриша! До других планет доболтался!

– До других планет? – в ужасе переспросил он.

Гриша отложил вилку. На лбу его блестела испарина.

– Но ведь ты же сам заставил меня пить этот... коктейль... – жалобно проговорил он.

За дурака меня считает, не иначе.

– Гриша, – сказал я. – Коктейль был безалкогольный. В «Витязе» с самого Указа вообще ничего спиртного не подают.

Гриша обмяк.

– Но ты же сам тогда сказал: алкоголь...

– Ага... И поэтому ты окосел?

– Да!

«На шестой пресс! – подумал я. – И чем скорее, тем лучше! Сегодня же подойду к Валерке, пусть что хочет, то и делает, но чтобы Гриши этого в бригаде не было!...»

– Ладно, – бросил я. – Давай посуду вымоем и вперед. Пора...

* * *

Переодевшись в рабочее, я вышел из бытовки и сразу был остановлен Люськой.

– Говорят, ты новичка у себя поселил? – спросила она.
– А кто говорит?
– Ну кто... Аркашка, конечно.
– Ты ему как-нибудь крюк на каску опусти – может, болтать поменьше будет, – посоветовал я и хотел идти, но Люська опять меня задержала.
– Неужели правда? Аркашка говорит: приютил, в свое одел...
– Ну, приютил! – раздраженно бросил я. – На груди пригрел! Тебе-то что?
– Ничего... – Она отстранилась и с интересом оглядела меня исподлобья. – Просто спросить хотела... Ты его из соски кормить будешь или как?
Вот язва, а? Язвой была – язвой осталась. С детства.
– Ну заberi – у себя поселишь.
– Дурак! – вспыхнув, сказала она. Повернулась и гордо удалилась.

Интересно, под кого ты, Люсенька, клинья подбить решила: под меня или под Гришу? Если под меня, то предупреждаю заранее: бесполезно, я не Бехтерь, я тебя, лапушка, насквозь вижу. Тебе ведь нос чуток выпрямить – и лицо у тебя станет совершенно Наташкино. И словечки у тебя Наташкины то и дело проскакивают. И предательница ты, наверно, такая же... Вообще чертовщина с этими лицами. Взять хоть Ирину из универмага – мордашку ей слегка вытянуть, и опять получается Наташка. Как сговорились.

С такими вот интересными мыслями я подошел к прессу. Только-только принял оборудование у третьей смены, как Сталевар зычно оповестил:

– Бугор на горизонте! Эх, а веселый-то, веселый!..

Я посмотрел. Действительно, на каменной физиономии приближавшегося к нам Валерки Чернопятова оттиснуто было что-то вроде удовлетворенности. Он коротко кивнул бригаде и, приподняв тяжелый подбородок, остановился перед Гришей.

– Пошли, Григорий, – как бы с сожалением сказал он. – Переводят тебя от нас на шестой пресс.

Гриша беспомощно оглянулся на меня. Я отвернулся к прессу и, нахмурясь, принялся осматривать новые, недавно поставленные ножи. Потом не выдержал и, бросив ветошку, подошел к нашим.

– В чем дело? – спросил я Валерку.

– Все в порядке, – заверил он, не оборачиваясь. – На резку еще одного новичка направляют. Его мы берем себе, а Гришу отдаем шестому прессу.

– И сменный мастер знает?

– А как же! – бодро отозвался он. – Все согласовано.

– А со мной? – закипая помаленьку, проговорил я. – Со мной ты это согласовал?..

* * *

С Валеркой мы не разговаривали до конца апреля. И это еще не все...

Вечером я вспомнил наконец, что хорошо бы забежать в универмаг к Ирине – объяснить, почему исчез.

Забежал, объяснил...

Домой я вернулся с твердым намерением как можно быстрее обеспечить Гришу общением.

Никого не обнаружив в комнатах, я сунулся в кухню и увидел там такую картину: Гриша сидел в уголке на табуретке и неумело чистил картошку, внимательно, с почтением слушая сетования матери.

– Все с нее началось, с Наташки, – жаловалась она. – Поломала, дуреха, жизнь и ему, и себе. А у Миньки-то характер – сам знаешь какой! В ступе пестом не утолчешь! Из армии пришел – грозился: мол, в две недели себе жену найду, получше Наташки... И вот до сих пор ищет...

Я вошел в кухню и прервал эту интересную беседу.

– Ты картошку когда-нибудь чистил? – хмуро спросил я Гришу. – Кто так нож держит? Дай сюда...

Показав, как надо чистить картошку, я перенес низенькую, еще отцом сколоченную скамейку к печке, сел и, открыв дверцу, закурил.

– Ну и как там твоя Ирина? – осторожно спросила мать.

Печь исправно глотала табачный дым черной холодной пастью. Зверская тяга у агрегата. Дядя Коля, сосед наш, делал...

– Какая Ирина? – нехотя отозвался я. – Не знаю я никакой Ирины.

Мать покивала, скорбно поджав губы. Ничего другого она от меня и не ждала.

– В общем так, Гриша, – сказал я. – Насчет общежития идем завтра... А что ты на меня так смотришь? Что случилось?

– Картошка кончилась, – виновато ответил Гриша.

– Всю почистил? – обрадовалась мать. – Вот спасибо, Гришенька. Не сочти за труд – сходи во двор, ведро вынеси...

Гриша с готовностью подхватил ведро с кожурой и побежал выполнять распоряжение.

– Знаешь, Минька... – помолчав, сказала мать. – Не надо вам завтра никуда идти. Подумала я, подумала... Возьму я Гришу квартирантом. Все равно комната пустует.

Я уронил окурок, неудачно поднял его, обжегся и, повертев в пальцах, бросил в печку. Нет, такого поворота я не ожидал.

– Вежливый, уважительный... – задумчиво продолжала мать. Потом очнулась и посмотрела на меня строго. – Дать бы тебе по затылку, – сказала она, – чтобы голову матери не морочил! Какая его жена из дому выгнала? Он и не женат вовсе. Тоже вроде тебя.

Глава 5

Во дворе шевелили ветками бело-розовые яблони, а я сидел у окна и без удовольствия наблюдал, как Мухтар командует Гришей.

Хитрая псина с низким горловым клочкотанием вылезла из будки, и Гриша послушно остановился. Взрыкивая для острстки, Мухтар медленно обошел вокруг замершего квартиранта и лишь после этого разрешил следовать дальше. Потом, как бы усомнясь в чем-то, снова скомандовал остановиться и придирчиво обследовал Гришины ноги, словно проверяя, по форме ли тот обут. Убедившись, что с обувью (галоши на босу ногу) все в порядке, не спеша прошествовал к будке и улегся на подстилку, высоко держа кудлатую голову и строго посматривая, как Гриша с величайшим почтением перегружает содержимое ведерка в миску.

И такую вот комедию они ломали перед моим окном каждый день, причем ужасно были друг другом довольны. Так и подмывало выйти во двор, ангелочку Грише дать по шее, а наглецу Мухтару отвесить пинка, чтобы знал свое место в природе, псина.

Дождавшись возвращения Гриши, я зловеще спросил его:

– А чему ты все время радуешься?

Действительно, стоило Грише чуть отдохнуть, лицо его немедленно украшалось тихой счастливой улыбкой. Как сейчас.

На секунду Гриша задумался, потом поднял на меня серьезные глаза и произнес негромко:

– Свободе.

– Какой свободе, Гриша? Ты же за калитку не выходишь!

– Выхожу, – быстро возразил он.

– Если мать за хлебом пошлет, – сказал я. – Слушай, чего ты вообще хочешь?

Гриша растерялся.

– Вот... Мухтара покормил... – как всегда, невпопад ответил он.

– Молодец, – сказал я. – Мухтара покормил, картошку почистил, из окошка во двор поглядел... Устроил сам себе заключение строгого режима и говоришь о какой-то свободе!

– Я объясню, – сказал Гриша. – Можно?

– Валяй, – хмуро разрешил я.

Глаза б мои на него не глядели! Дома – Гриша, на работе – Гриша. И мать, главное, взяла в привычку чуть что в пример мне его ставить: и домосед он, и не грубит никогда, и что попросишь – все делает...

– Скажи, пожалуйста, – начал Гриша, – есть такое наказание, чтобы человека лишали возможности двигаться?

– Нет такого наказания, – сердито сказал я. – Это только в сумасшедших домах смиренные рубашки надевают. На буйных.

– Ну вот, – обрадовался Гриша. – Представь: человека поместили в камеру и надели на него такую рубашку. Год он лежал без движения, представляешь?

– Не представляю, – сказал я. – У него за год все мышцы отомрут.

– Ну пусть не год! Пусть меньше!.. А потом сняли с него рубашку. И вот он может пройти по камере, может встать, сесть, выглянуть в окно... Он свободен, понимаешь?

– В камере? – уточнил я.

– В камере! – подтвердил Гриша. – Ему достаточно этой свободы!..

И такие вот разговоры – каждый день.

Привязался однажды: можно ли найти человека, если известны паспортные данные? Я ответил: можно – через горсправку. А если не знаешь, в каком он городе живет? Ну, тут уж я задумался. Не перебирать же, в самом деле, все города по очереди – так и жизни не хватит.

– А кого ты искать собрался, Гриша?

– Я?.. Никого... Я – так... из любопытства...

Да о чем говорить – одна та история с «Витязем» чего стоит!.. Рассказал Сталевару – тот вылупил на меня совиные свои глаза и радостно предположил: «Так они ж это... коктейли-то, видать, на сырой воде разводят... А Гриньке, стало быть, только кипяченую можно. Вот он и окосел...» Но шутки шутками, а Гриша-то ведь и впрямь трезвенником оказался! То есть вообще ни-ни. Ни капли...

Хотя была однажды ложная тревога. Я сидел в кухне на своей скамеечке и курил в печку, а Гриша с матерью разговаривали в большой комнате. Что-то мне в их беседе показалось странным. Мать молчала, говорил один Гриша. Я вслушался.

– ...а жители той планеты, – печально излагал наш особо опасный квартирант, – понятия об этом не имели. Вообще считалось, что это варварская, зашедшая в тупик цивилизация...

И что самое удивительное – вязальные спицы в руках матери постукивали мерно, спокойно, словно речь шла о чем-то самом обыкновенном.

– ...он знал, что на этой планете ему не выжить, да он и не хотел... Собственно, это был даже не побег, а скорее форма самоубийства...

Я швырнул окурочек в печку и направился в большую комнату. Гриша сидел напротив матери и сматывал шерсть в клубок. Глаза – ясные, голос – ровный.

– О чем это вы тут разговариваете?

– А это мне Гришенька фантазию рассказывает, – с добрым вздохом отвечала мать. – В книжке прочел...

* * *

Вечером, дождавшись, когда Григорий ляжет спать, я снова подошел к матери.

– Слушай, мать... Я, конечно, понимаю: квартирант у нас хороший, лучше не бывает...

Но скажи мне честно, мать: тебя в нем ничего не беспокоит?

Она отложила вязанье, сняла очки и долго молчала.

– Ну, странный он, конечно... – нехотя согласилась она. – Но ведь в детдоме рос – без матери, без отца...

– Детдом – ладно, – сказал я. – А вот насчет других планет – это он как? Часто?

– Да пусть его... – мягко сказала она.

Глава 6

– А что это нашего квартиранта не видать?

Швейная машинка ответила мне длинной яростной речью, мать же ограничилась тем, что оделила меня сердитым взглядом искоса.

– Не понял, – уже тревожась, сказал я. – Где Гриша?

За окнами было черным-черно. Часы на серванте показывали половину двенадцатого.

– Да не стучи ты, мать, своей машинкой! Он что, не приходил еще?

– Почему... – сухо и не сразу ответила она. – Приходил. Потом снова ушел. Да он уж третий вечер так...

– Третий вечер? – изумился я. – Гриша? Вот не знал...

– Откуда ж тебе знать? – вспыхнула она. – Ты сам-то в последнее время дома вечерами бываешь?

Я смущенно почесал в затылке и, прихватив сигареты, вышел из дому.

* * *

Наш переулок, опыленный светом желтеньких безмозглых лампочек на далеко разнесенных друг от друга столбах, был весь розово-бел от цветущих деревьев. Я постоял, прислушиваясь.

Минуты две было тихо. И вдруг где-то возле новостройки взвыли собаки. Лай начал приближаться, откочевал вправо, причем из него все явственней проступали выкрики и топот бегущих ног.

– Что-то слышится родное... – озадаченно пробормотал я.

В частном секторе теперь было шумно, и ядро этого шума катилось напрямик ко мне. Первым из-за угла выскочил высокий широкоплечий парень и припустился наискосок к нашей калитке. Увидев огонек моей сигареты, шарахнулся и принял оборонительную позу.

– А ну быстро в дом! – негромко скомандовал я. – Быстро в дом, я сказал. Без тебя разберемся...

И растерянный Гриша Прахов молча скользнул мимо меня во двор. Навстречу ему, угрожающе kloкоча горлом, двинулся спущенный на ночь с цепи Мухтар, но Гриша был настолько взволнован, что просто перешагнул через пса и заторопился по кирпичной дорожке к дому. Ошарашенный таким пренебрежением, Мухтар сел на хвост и, до отказа вывернув голову, уставился вслед. Я прикрыл калитку.

Тут из-за угла выскочили еще двое. Точно так же метнулись на огонек моей сигареты, а потом с ними произошло то же, что и с Гришей, – только узнали они меня быстрее и шарахнулись не так далеко.

– Да это же Минька! – растерянно сказал тот, что повыше. Зовут Славкой, фамилии не знаю, живет в Нижнем поселке.

А кто второй? Второму фонарь светил в спину, лица не разглядишь. Выдал оскал – широкий, наглый, в тридцать два зуба... Бехтерь.

Со стороны котлована под собачий аккомпанемент подбежал третий. Задохнулся и перешел на тяжелую трусцу... А намного их Гриша обставил. Молодец, бегать умеет. Хотя с чего ему не уметь – ноги длинные, голова легкая...

– Что, чижики? – ласково спросил я, дождавшись, когда они соберутся вместе. – Детство вспомнили? В догонялки поиграть захотелось? А если мне сейчас тоже поиграть захочется?

Я сделал шаг, и они попятились. Бехтерь перестал улыбаться.

– Нет, Минька... – И я удивился, сколько в его скрипучем голосе было ненависти. – С тобой мы в догонялки играть не будем. А вот с квартирантом твоим еще сыграем. Так ему и передай.

Я выслушал его и не спеша затянулся.

– Бехтерь, – прищурясь, сказал я. – А помнишь, ты лет пять назад этот переулок спичкой мерил? Сколько у тебя тогда спичек вышло?

Вместо ответа Бехтерь издал какой-то змеиный шип.

– Так вот, Бехтерь, – продолжал я. – Если я тебя еще раз поймаю в нашем районе – заставлю мерить по новой. Только уже не поперек, а вдоль. Славка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.